

IN MEMORIAM

Памяти Вадима Цымбурского

На смерть Робинзона Крузо

...И вот он умер. К этой смерти готовились давно, сам Робинзон – я встретил его один-единственный раз на фэпнике-2008, куда случайно попал, наверно, именно для этого – смотрел на мир уже не отсюда, грустно и одиноко, как мелодия из «Четырех последних песен» Р.Штрауса. Вокруг него деловито сновал народ, решавший свои текущие дела и делишки, и никому особенно дела не было до этого человека, сидевшего в тесной толпе на лавочке напротив громко орущих рок-музыкантов. Ему было, кажется, все равно, что орало. Он был готов повествовать любому, кто готов его слушать, свои эпические сказки о свершении судеб больших пространств, где возникают и гибнут царства и народы. Лена Петровская, увидевшая его мучительное одиночество, попросила меня сесть и поговорить. Говорить он начал сразу, мне не пришлось искать «путей». Собственно, ему было все равно, лишь бы повествовать и повествовать о богах и героях. Слушать было трудно, орала проклятая музыка, но я все равно заслушался. Передо мной был Гомер или один из тех стариков, что рассказывают по вечерам древние былины в ирландских пабах. Ему не повезло, он не там и не тогда родился, в этой стране никому не нужны былинные сказатели и здесь не очень любят слушать других. Я был готов слушать его бесконечно, это было красиво и умно. Истина была внутри самой речи, ей не требовалось никаких скучных внешних референций. Как всякая поэзия, она держала себя сама. Я чувствовал себя Пятницей при великом и таинственном Робинзоне, вынесенном на берег этого ничтожного острова как дар неведомых духов неведомых предков.

Увы, скоро меня увели – знакомить с одним шустрым молодым человеком из РЖ. Уходил я неохотно, Робинзон лишь грустно улыбнулся, прервавшись на полуслове, и кивнул на прощанье. И снова он сидел одинокий в толпе на лавочке, ожидая новых Пятниц.

Контраст с шустрым молодым человеком оказался шокирующим. В лицо мне дохнуло другой эпохой, другими нравами, другим миром. Мне не нужно было ни этого шустрого молодого человека, ни этих нравов и этой эпохи. Я хотел обратно, к Робинзону. Мимо пробежал хозяин всего шабаша, ядовито улыбаясь и всучивая всем какой-то журналчик и книжонку про брехню. Затем мы ушли, и больше я Робинзона не встречал.

И вот его не стало.

Теперь этот остров заселят, отталкивая друг друга локтями, шустрые молодые люди. Они распашут его и засеют картошкой и табаком на продажу. Они знают, чего хотят и совсем не чувствуют себя Пятницами. У них все получится, они будут жить долго и счастливо. Но ни один из них не умеет рассказывать таких прекрасных сказок. А без них он разве нужен, этот остров?

Эдуард Надточий